

К Р О К О Д И Л

— Дочка, что такое базис!
— Не знаю, папа...
— Ну вот, теперь из-за твоего невежества мне на семинаре краснеть придётся...

ГОРОД ИВАНОВО
ГЛАВНОМУ ИНЖЕНЕРУ ТРЕСТА ИВАНОВОСТРОЙ
ТОВАРИЩУ П. Т. ЕВДОКИМОВУ

Уважаемый Пётр Тимофеевич!

Недавно я познакомился с вашим литературным наследством: докладными записками, речами, высказываниями, репликами. Откровенно говоря, я пришёл в восторг. До чего же хорошо, красиво и правильно излагаете вы свои мысли: «Мы, строители, обязаны создавать крепкие, хорошие, удобные дома, в которых наши советские люди должны чувствовать себя, как дома!»

Разве плохо сказано? Или вот ещё: «Мы, строители, горды тем, что вся наша работа направлена на улучшение быта трудящихся».

Тоже неплохо.

А вот ещё одно ваше изречение: «Жилой дом строится не на год, не на два, а на десятки и даже сотни лет. И в зависимости от того, как мы его построим, нас десятки лет будут вспоминать добром или лихом».

У меня даже мелькнула мысль нанести эти золотые слова крупными литерами на мрамор и водрузить эту скрижаль у здания вашего треста. Подумав так, я решил сначала посоветоваться с председателем городского совета товарищем Смирновым. Борис Филиппович, выслушав меня, странно усмехнулся и махнул рукой:

— Не к чему!

Помолчав немного, он загадочно добавил:

— Их надо на другую доску заносить...

Из горсовета я зашёл в облисполком, затем к главному архитектору города товарищу Менде. Всюду, где я только ни был, моё предложение увековечить ваши слова почему-то не получало ни поддержки, ни одобрения. Работники областных и городских организаций реагировали более или менее сдержанно, спокойно. Но когда я высказал своё предложение жителям домов №№ 3 и 5 на Светлой улице, меня просто-напросто высмеяли.

Тогда я начал доискиваться до причин этого не совсем дружелюбного отношения. Вскоре я понял, где, как говорится, зарыта собака.

Всё дело, товарищ Евдокимов, в том, что вы, создавая дома, забыли об одной немаловажной в условиях вашего треста архитектурной детали — о табличках, на которых надо было кратко, но выразительно изложить правила поведения для жильцов и прохожих.

Что вам стоило снабдить все квартиры в новых домах по улице Тельмана и на Светлой улице набором таких табличек: «Открывая дверь, помни, что от неосторожного обращения вылетают косяки», «Желая предохранить мебель от сырости, ставь её на метр от стены», «Растапливая печь, помни о дыме», «Не бросай на пол тарелки, они могут провалиться в щели», «Прежде чем открыть окно, сбегай в магазин за шпингалетами!»

Расширить ассортимент табличек большого труда не составило бы, но зато сколько бы получилось преимуществ! Жильцы знали бы, как надо обращаться с новыми домами, и не предъявляли бы вам своих бесконечных назойливых требований. И не только жильцы, но и прохожие. Судите сами: кому бы пришла в голову мысль обвинять вас в плохой работе, если бы около недавно рухнувшего дома на Тейковской улице находилась табличка «Не подходить, разваливается!»?

Начав изготовление табличек в ваших мастерских, вы смогли бы производить их на сторону и тем самым восполнить значительное недовыполнение плана. Сбыт табличек гарантирован. Их с удовольствием заберут ваши коллеги из треста № 130 Министерства машиностроения товарищи Кряквин, Небосклонов и Вележев. Они, как вам известно, строят большой посёлок для рабочих завода чесальных машин.

Само собой разумеется, что в этом случае стандартными надписями вам отделываться нельзя. Придётся разбудить творческую фантазию. Я полагаю, что товарищам Кряквину, Небосклонову и Вележеву пришлось бы по душе такие изречения: «Подходя к дому, не забывай о канавах и ямах», «Канализация — роскошь, поэтому пользоваться ею надо реже», «Ветер имеет привычку дуть в щели — затыкай их», «Надеясь на крышу, не забывай про зонтик».

Конечно, все эти афоризмы неплохо заменить одной истиной: надо строить быстро, дешево и хорошо. Вот тогда бы ивановцы отзывались о вас с большей выдержкой и спокойствием. Кстати, я, кажется, догадался, почему руководители советских областных и городских организаций говорят о вас спокойнее, чем жильцы. Всё дело в том, что жильцы в ваших домах живут, а руководители только наблюдают, как эти дома строят. Во всяком случае, под таким наблюдением вы как за каменной стеной. Конечно, если она выложена не под вашим руководством.

Засим кланяюсь

Крокодил

О вкусах не спорят

Давно говорят,
Что о вкусах не спорят,
И этой пословице
Многие вторят.
Но нам её смысл
Представляется спорным
Настолько, что следует
Ринуться в спор нам...

Начав с популярных
Понятий о вкусе,
О вкусе, бывающем
Темой дискуссий,
А также объектом
Бесчисленных жалоб,
В иной ресторан
Заглянуть не мешало б.

Отделаны залы
Со вкусом и «в стиле»,
Но вкус и на кухне
Отнюдь не забыли, —
Шеф-повар, свой вкус
Изучив досконально,
Обеды готовит
Себе персонально.
Не станет же есть он
Того, что дают нам!
А мы насыщаемся
Залом уютным.
Но скверный обед
Не окупил и залом,
Мы спорить о вкусе
Пытаемся с завом.
А он, запасаясь
Изречением давнишним,
Вести разговоры
Считает излишним...

Посмотрим теперь,
Как в ином магазине
Безвкусица праздник
Справляет в витрине,
Безвкусица маршем
Проходит повсюду,
Включая одежду,
Игрушки, посуду.
Вот книги в унылых
Лежат переплётках,
За что только взяли
В такой «переплёт» их?

На выгнутых стойках
И прямо на стенках
Развешаны галстуки
Разных оттенков,
В которых художники
Странного толка
Все краски смешали
В полосках из шёлка.
И вам предлагают
На этом прилавке
«Яичницу с луком»,
«Пожар в нефтелавке».
И вам отвечают
Без тени конфуза
Спасительной истиной:
«Дело, мол, вкуса!»
Но сами-то вещи
Твердят ежечасно:
— Ты хочешь купить нас?
Опомнись, несчастный!

Продолжим своё обозрение,
Не так ли?
Теперь мы в театре
На новом спектакле.
Бывает, что нам
Преподносят без нормы
И речи, и встречи,
И бури, и штормы.

Но зрительный зал
Остаётся бесстрастным, —
Всё с первого акта
Становится ясным,
Нет выдумки,
Тонкого вкуса и блеска,
Зато вместо блеска
Достаточно треска.

По замыслу верно,
А в действии пресно...
В антрактах тоска
Разлилась повсеместно,
И если найдёшь
Оживление где-то,
То, видимо, это
В районе буфета.

...Смотрите,
Как тем «мастерам»
В назиданье
Встают над столицей
Высотные зданья.
Ажурной отделкой,
Изысканством линий
Они в небосвод
Упираются синий.

Стоят у подъездов,
Как глазу подарок,
Машины советских
Прославленных марок.

Какая законченность
В каждой детали,
Какая гармония
Лака и стали!
Достигнуто это
В итоге упорных
Больших и взволнованных
Творческих споров.
Вот здесь не однажды
Оспоренный вкус-то
Привёл к совершенным
Твореньям искусства!

Каким же убожеством
Выглядят рядом
Холодные люди
Со старым их взглядом:

«На вкус и на цвет, мол,
Товарищей нету»...
Да, в этом погибель
И вкусу и цвету!

На вещь, где безвкусице
Негде приткнуться,
Товарищи были,
И есть, и найдутся!

Нам мало шедевры
Встречать, как гостиниц,
В сверкающих залах
Метро и гостиниц.

Пусть будут шедевры
И в простенькой штуке,
Раз к ней прикоснулись
Советские руки.

Такие высоты
Вполне достижимы.
Мы любим искусство во всём,
И должны мы
Со всей откровенностью,
Нам лишь присущей,
С высоким критерием,
В завтра зовущим,
Со всей нашей страстью,
С хорошим запалом
Поспорить о вкусах
И в крупном и в малом!

— Культработу приказано перенести в поле: бери патефон, я беру пластинки, а танцплощадка у них найдётся!

Весна долго раздумывала: быть или не быть? Решив, наконец, этот вопрос утвердительно, она поспешила спуститься с заоблачной выси на пензенскую землю, к общей радости ребятишек и птиц.

Грачи, громко крича, спешили с ремонтом своих старых гнёзд. Ещё восторженнее встречали весну звонкоголосые ребятишки, выводявшие свои кораблики на просторы весенних луж.

Но эти огромные лужи несколько не умиляли жителей многих улиц города Пензы. Не первую весну испытывают они на себе «заботу» местных организаций.

Весна быстро растопила снега, и вслед за этим многие улицы города превратились в непреодолимые топкие болота.

Полетели сигналы бедствия. С улиц Гоголя, Чкалова, Рабочей, Транспортной, Саранской, Набережной Пензы, из посёлка Свободного. Доносились сигналы и с других концов Пензы.

— Удивительный народ — наши избиратели! — говорили, встречаясь в кабинете председателя горисполкома Николая Никитича Рябова, заведующий горкомхозом Константин Иванович Давыдов и председатели всех четырёх районных исполкомов Пензы. — Не хотят избиратели мириться с временными трудностями. Сколько о них ни заботимся, всё недовольны!..

Такую же точку зрения разделял и сам тов. Рябов. Ему тоже казалось странным: из-за чего поднят шум? Ну, свезли на некоторые улицы из центра города снег и мусор, ну, разрыли в интересах будущего благоустройства дороги...

В зонах непроходимости

— Да уж давненько они разрыты, — возражали в своих жалобах избиратели. — На улице Урицкого траншеи для канализации пять лет не закапывались, на Саранской у нас ямы тоже со стажем. На Гоголевской скоро будут справлять двухлетие этих раскопок...

— Ну и что ж? Два года — срок небольшой! Что это в сравнении с вечностью? — горячо убеждал Рябов. — Из-за чего сыр-бор? Свалки, созданные на некоторых улицах, сама же весна уберёт: снег растает, мусор половодьем смоем. Траншеи, рассекающие улицы, немного неудобны? Но со временем и они будут в порядок приведены, если не коммунальными работниками, то самой же природой.

Однако избиратели почему-то всерьёз не принимают доводов Николая Никитича Рябова.

Подобно некоему витязю, житель Пензы, выходя из дома, не знает и не ведает, что с ним случится на улицах: пешком пойдёшь — около своих ворот в яму попадёшь, в автобусе окажешься — среди грязи завязнешь.

— Ну, какие же у нас миргородские лужи? — с возмущением возразили руководители горисполкома, размахивая газетой, в

которой описывались весенние пейзажи Пензы. — Такой лужи, о какой Гоголь рассказывает, у нас нигде не сыщешь!

— Машину! Едем на место проверять! — решили в горисполкоме.

Через минуту «Победа» с опознавательным знаком «ПЕ 58-17», прошуршав шинами по центральным улицам, достигла «зоны непроходимости». Здесь участники экспедиции покинули удобные сиденья и отправились вместе с шофёром искать брода. Этот поступок не лишён был, повидимому, дальновидности, ибо не успели они сделать и пяти шагов, как позади раздался оглушительный грохот: то рухнул, подмытый вешними водами, столб электрической линии. Под этот тяжёлый агрегат попала «Победа», на которой только что приехал заместитель председателя горисполкома Михаил Николаевич Лощинин.

После столь неудачно закончившейся вылазки на городские окраины руководители горисполкома уже не отважились вступать в спор с «недовольными» горожанами.

...Тихо теперь в горисполкоме.

Отшумели и вешние воды, уменьшились размеры луж. На улицах уже появились тропинки, протоптанные рядом с траншеями отважными пешеходами. Только на дне глубоких канав всё так же, как и два года назад, лениво журчат мутные ручейки. Но к концу лета они высохнут. А что обнаружится осенью? Впрочем, не будем загадывать.

Н. МАРТЫНОВ,
Г. НАУМОВ

г. Пенза.

МЯЧ В ИГРЕ

Вновь кипит людское море
На трибунах стадиона,
По-весеннему усердно
Светит солнце на дворе.
И тогда Вадим Синявский
Снова встал у микрофона,
Поглядел вокруг с волнением
И воскликнул: «Мяч в игре!»

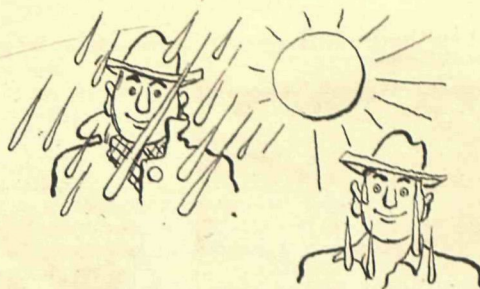
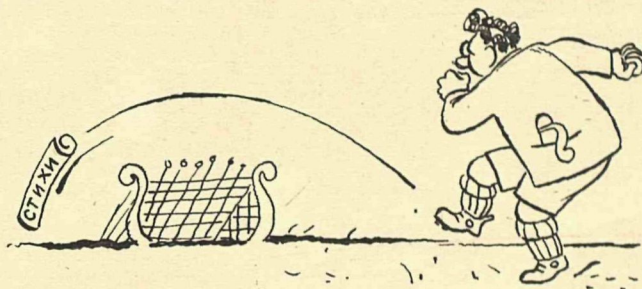
Мяч в игре! Уже «Торпедо»
Вышло в первую разведку.
Мяч в игре! Уже у края
Он захвачен «Спартаком».
То он стукнется о планку,
То скользнёт, как рыба, в сетку,
То взлетит, как птица, в небо,
То завертится волчком.

У пятёрки нападения
Начинается работа:
Сокруши любую крепость,
Обойди любой заслон.
Вот решительным ударом
Мяч навешен на ворота.
«Нужно бить!» — кричит Синявский,
Позабыв про микрофон.

Игроки смешались в кучу,
Кто там сверху, снизу кто там,
Где там Хренов, где там Нетто,—
Хоть убейте, не пойму.
Капитан в знакомой майке
Прорывается к воротам.
Вся восточная трибуна
«Нужно бить!» кричит ему.

Только где была удаля,
Где ты, прежнее умение,
Где стремительность «Торпедо»,
Где искусство «Спартак»?
И напрасны все надежды,
Заклинанья и волненья —
Мяч проходит мимо цели,
Улетая в облака.

Я сочувствую спортсменам,
Мы судьбою очень схожи:
Так, бывает, пишешь, пишешь
Дни и ночи напролёт,
А потом, как разберёшься,
Уточнишь да подытожишь,—
Понимаешь, что ударил
Метра за три от ворот.

Впереди ещё немало
Схваток трудных и горячих,
Настоящих испытаний,
Боевых спортивных дней.
Нужно будет сделать вывод
После первой неудачи:
Хорошо бы научиться
По воротам бить точней!.

Газированную воду
Продаёт в киосках лето,
И в стаканчиках прохлады
Предлагает «Хладопром».
Стадион, готовый к бою,
Полон воздуха и света,
И грохочет вместо гонга
В ясном небе первый гром.

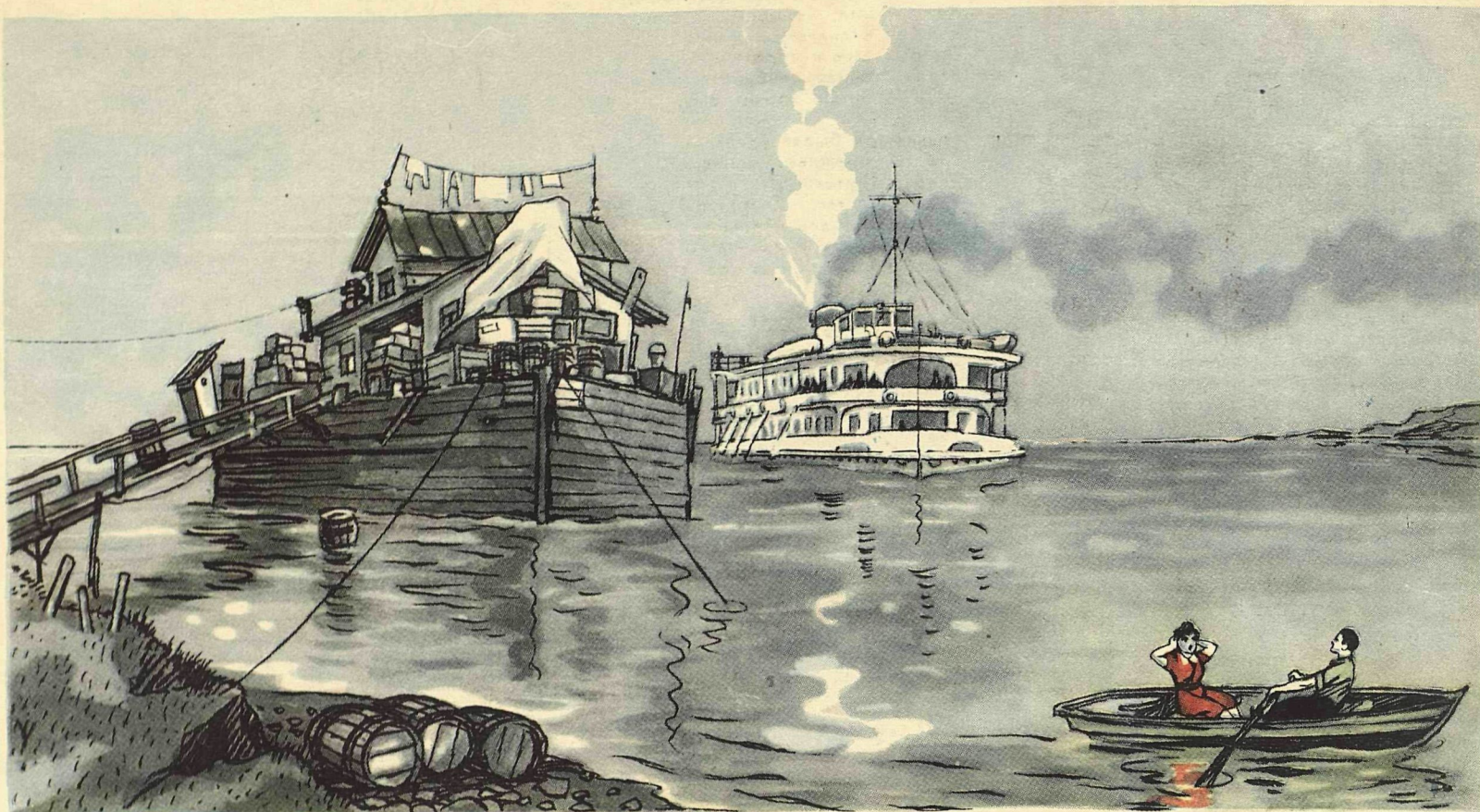
Мяч в игре! И ты, болельщик,
Полтора часа не даром
То сидишь под страшным ливнем,
То печёшься на жаре,
То хватаешься за сердце
После каждого удара...
Отдыхать теперь не время.
Не шутите, мяч в игре!

БЫЛ БЫ СТОРОЖ...

Рис. К. ЕЛИСЕЕВА

— Вы давно здесь работаете!
— Да вот уж двенадцать лет этот фундамент караюлю...

— Ой, как пароход ревет!
— Поневоле взревёшь, глядя на такой вокзал.

ПЕРЕГРУЖЕННЫЙ Совместитель

Посетитель сверил запись в блокноте: «Алтайский тракторный завод имени М. И. Калинина. Начальник проектно-конструкторского бюро — Гахенсон Борис Семёнович» — с табличкой на двери и вошёл в кабинет.

Начальник бюро окинул посетителя взглядом, затуманенным проектно-конструкторскими исканиями, и холодно сказал:

— Излагайте свои мысли кратко. Через восемь минут я ухожу.

— Прочитайте для маслоделов лекцию о сепарации...

— Не могу, — оборвал Борис Семёнович; он страдальчески покачал головой, вздохнул и объяснил: — Загружен на двадцать восемь часов в сутки...

— На сколько?! — опешил посетитель.

— На двадцать восемь. Это очень просто, — принялся объяснять хозяин кабинета. — Кроме того, что я начальник, я и заместитель начальника, в то же время я преподаватель дневного отделения Рубцовского машиностроительного техникума, веду две дисциплины: конструкция и расчёт тракторов, их сборка и испытание. Полупутью я преподаватель и вечернего отделения этого техникума — ещё три дисциплины: теоретическая механика, математика и детали машин. Помимо этого я преподаватель вечернего филиала Алтайского института сельскохозяйственного машиностроения по теоретической механике и сопротивлению материалов... Итого получаю три с половиной штатных ставки. Каждая

ставка — это восемь рабочих часов, а в сумме — двадцать восемь... И работа какая! Трактора конструирую!.. Вот поконструирую ещё три минуты и побегу...

— Да как же у вас двадцать восемь часов в двадцати четырёх вмещаются?

— Пищат, а вмещаются, — улыбнулся Борис Семёнович.

— Ну, тогда извините, — заторопился изумлённый посетитель. — Не знал. А мы вот деньги на оплату лекций получили...

— Деньги? Да что же вы стоите? Садитесь, пожалуйста! — вдруг вдохновился перегруженный совместитель. — А я, извините, подумал, что в общественном порядке... Устал, в людях ошибаться начал. Так как вы сказали? Лекцию о сепарации? Пожалуйста! Только, если можно, не раньше, чем минут через сорок. Я сейчас сбегая, получу за лекции по зоологии и биологии, а то, знаете, касса закрывается...

— Вы разве успеете за этот срок подготовиться к лекции?

— Успею, чего там. Я уже готов!

— А тракторы вам сегодня больше не нужно конструировать?

— Я шляпу свою на столе оставлю. Будет похоже, будто я на работе.

Посетитель пересчитал в уме все совмещения вездесущего Бориса Семёновича и с тревогой подумал: если он, чтобы засвидетельствовать своё присутствие на работе, оставит в одном месте шляпу, в другом — галстук, в третьем — пиджак, то на кафедре перед маслоделами он предстанет уж совсем в неприкрытом виде.

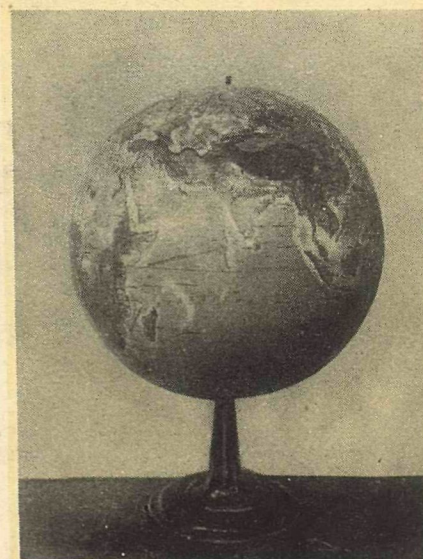
...Очень хотелось бы, чтобы в таком именно виде узрели Гахенсона директор Алтайского тракторного завода тов. Ежевский, директор техникума тов. Торопак и другие ответственные товарищи. Увидели бы да подумали, как человек дошёл до такой самоперегрузки и кто ему в этом содействовал.

А. ШЕСТАКОВ

г. Рубцовск,
Алтайский край.

Как ни странно, но...

...вопреки общепринятой истине земная ось, оказывается, не имеет наклона. Об этом можно судить по глобусу с абсолютно вертикальной осью, изготовленному московской фабрикой учебных пособий № 9.

Такая модель земли наглядно доказывает, что день всегда равен ночи, смена времён года необязательна, а работники фабрики № 9 решительно не желают считаться с законами природы.

Корень зла

Секретарь райкома партии Фёдор Никитич Ларин наконец сумел вырваться из плена «текучки» и выехать в район—давно собиравшись проведать глубинные колхозы!

Погода стояла не из приятных. Сыпалась какая-то изморось: ни дождь, ни снег. Дорога обледенела, и машину заносило из стороны в сторону, как лодку у неопытного гребца. Шофёр, смуглолицый парень в кубанке, вёл «Победу» осторожно.

— Сейчас, если на полном ходу трюшки тормознуть, враз окажешься в кювете,— южной скороговоркой объяснял он причину своей осторожности,— а то и в обратную сторону развернёшься: юзом, юзом—и поехал назад!

— Сочиняй больше,— машинально ответил Фёдор Никитич.

Занятый своими мыслями, он почти не слушал шофёра. Перед самым отъездом ему принесли коротенькое письмо от комсомольцев из колхоза «Светлый путь». Молодёжь жаловалась в райком на то, что её оставили без клуба. С осени в сельский клуб ссыпали овёс. Этот «склад» как нельзя больше понравился председателю колхоза Сударикову. Теперь он собирается сортировать там семена к весне.

«Вот головотяпы! Вот головотяпы!»—с досадой думал Фёдор Никитич.— Нашли склад! Ну, Судариков,— положим, хозяйственник до мозга костей, от него и ждать нечего. А секретарь парторганизации Колотилов что думает?»

Фёдор Никитич вдруг вспомнил, что об этом злополучном клубе вопрос как-то вслывал на заседании бюро райкома.

«Да, да! Когда в сентябре заслушивали вопрос о работе с молодёжью. Помню, помню! По этому клубу специальный пункт в постановление записывали: освободить, развернуть культурно-массовую работу. И вот, пожалуйста: семена собираются сортировать... Хоть кол на голове теши!»

— Ну, за это им будет баня!—вырвалось у него вслух.

— Кому?—удивился шофёр, ещё продолжавший речь об опасностях обледенения, когда проще простого разбить машину.— Шофёрам? Им, беднягам, всегда достаётся на орехи!

— Каким там шофёрам!—отмахнулся Фёдор Никитич.— Ты про Фому, а я про Ерёму... Вот что, дружище, давай-ка завернём в колхоз «Светлый путь». Да, да! Обязательно должны захватить, кряк небольшой. И правь прямо к клубу: сами сейчас во всём убедимся. И как это коммунисты, ответственные товарищи, умудряются забыть о такой, казалось бы, немаловажной детали, как постановление бюро райкома?! Значит, получит, прочтёт и... «примет к сведению», а выполнять—дядя пусть выполняет. Дисциплинки нет, дисциплинка хромает на все четыре. Вот в чём корень зла!

В таком воинственном настроении секретарь райкома приехал в колхоз «Светлый путь».

Клуб, перед которым на шершавом снегу водитель без боязни круто затормозил, оказался действительно закрытым. Ставни окон были накрепко закручены проволокой, на входной двери висел амбарный замок.

— Ничего себе, постарались навесить замочек—с полпуда потянет!—даже воскликнул Фёдор Никитич.

Он обошёл вокруг клуба и не встретил ни души. За стеной, должно быть, в ожидании починки, стояли приземистый синий триер и розоватая вёзлка с пустыми колёсами, застрявшими в решётах. Из-под вёзлки выбежал взъерошенный пегух и недовольно покосился на незваного пришельца: «Ко-ко-ко!»

— Картина ясная, молодёжь зря жаловаться не станет,—сказал Фёдор Никитич, возвращаясь в кабину.— Едем в правление!

Не дав машине как следует остановиться у дома правления колхоза с синими наличниками и резным навесом над крыльцом, секретарь, выскочив из кабины, легко вбежал по крутым ступенькам. Но излить кипевший в нём гнев ему не пришлось: в правлении сидела только белокурая девушка-счетовод.

— Здравствуй, Анечка! А где Судариков и Колотилов?—спросил Фёдор Никитич у девушки, поднявшейся при его появлении.

— Здравствуйте, Фёдор Никитич!—певуче растягивая слова и улыбаясь, приветствовала его румяная Анечка.— Спасибо, что не забываете нас... Председатель наш уехал во вторую бригаду на строительство молочной фермы. А Колотилов тут был... Да вот он как раз бежит, узнал вашу машину...

— Ага, идё! Так, так, сейчас потолкуем!—Фёдор Никитич, готовясь к крупному разговору, снял перчатки и расстегнул крючок у воротника пальто.

Мимо окна промелькнул и загрохотал по ступенькам крыльца высокий молодой мужчина в чёрном дублёном полушубке и в треухе с развевающимися по ветру завязками. Колотилов переступил порог, и в комнате сразу стало темнее. Он стряхнул с шапки мелкие капельки и только после этого поздоровался с присутствующими. Фёдору Никитичу он так сжал руку, что тот невольно посмотрел на свои сплюснутые пальцы: не в тиски ли они, случайно, попали?

— Эх, брат, и силищи у тебя и энергии! Вот если бы их да применять с толком!

— Как умеем, применяем, Фёдор Никитич,—ответил молодым басом Колотилов.

— Плохо, брат, применяешь, плохо! Что за примерами далеко ходить: клуб закрыт?

— Закрыт, Фёдор Никитич...

— С чем и поздравляю!.. Спроси-ка вот Анечку: что она по этому поводу думает?

— А мы уж и думать перестали, Фёдор Никитич... Думай не думай, а потанцевать иди в клуб к соседям, за три километра.

— Так у вас всех невест ребята из соседнего колхоза переманят! Правда, Анечка?

— А что же, Фёдор Никитич,—понимающе сверкнула та глазами,— вполне возможно.

— Ничего не могу с Судариковым поделаться!—пожаловался Колотилов.— Водит всех за нос: завтра да завтра освободим клуб. До ругани дело дошло...

— Вы бы ещё попрались!.. Ведь вот беда с вами! Миллионщики! Хозяйственные постройки у вас на зависть всему району. Нет, мало им, ещё и клуб заняли!

— Я уж хочу выносить вопрос на партсобрание, чтобы решением Сударикова обязать...

— Вот здорово придумано!—перебил Фёдор Никитич.— Решения бюро райкома вам мало, вы будете обязывать его своим?

Колотилов наморщил лоб и заморгал.

— Какого решения бюро?—недоуменно спросил он.

— Здравствуйте, пожалуйста! Как какого? Того самого, что в сентябре принимали. Помнишь, заслушивали вопрос о работе с молодёжью? Там и о нашем клубе шла речь...

— Нет, не помню... Ах, в сентябре!—вдруг облегчённо вздохнул Колотилов.— В сентябре я ещё и не был секретарём. Меня в октябре избрали, когда Рубцов на учёбу ушёл.

— Разве это до тебя дело было?.. Впрочем, да, теперь припоминаю. Точно, точно!.. Хм!..—Фёдор Никитич совсем расстегнул тяжёлое пальто, из-под которого блеснули бронзовые пуговицы гимнастёрки и пряжка туго затянутого ремня.— Но это тебя не оправдывает! Нет, нет! По-твоему, пришёл новый секретарь, так парторганизация новую жизнь начинает? Старые дела в архив? Так дело не пойдёт! Есть решение—выполняй, хотя бы ты был десятком по счёту секретарём. Читал решение-то?

— Нет, и в глаза не видал.

Теперь пришла очередь Фёдора Никитича недоуменно морщить лоб.

— Да ты что, смеёшься надо мной? Ну-ка, идём к тебе! При мне заглянешь в свои дела и прочтёшь это постановление. А потом посмотрим, как с тобой разговаривать! Идём, идём! Вот где, действительно, корень зла!

В маленькой комнатке партбюро Колотилов казался ещё более могучим. Он выложил на стол папки с несложной канцелярией секретаря первичной парторганизации и тщательно перебрал всё до листика.

— Нет такого решения...—сокрушённо сказал он, окончив своё безрезультатное занятие.

— Час от часу не легче! Так вы что, потеряли решение? Ой, брат, запачкает эта пропаша тебе учётную карточку. Ищи как следует!

— Искать-то больше негде, Фёдор Никитич. Тут все мои бумаги.

— Ну, хорошо! Сейчас я тебя выведу на чистую воду!—Фёдор Никитич решительно поднял телефонную трубку и вызвал райком партии:— Клавдия Ивановна? Это я, Ларин. Возьмите-ка регистрационную книгу. Взяли? Посмотрите, когда послана в колхоз «Светлый путь» выписка из постановления о работе с молодёжью. Помните, в сентябре заслушивали вопрос? Да-да, когда послано и кем получено... Жду у телефона... Вот сейчас всё и выясним, и тогда уж тебе, друг любезный, не отвертеться...

Колотилов пожал плечами: если так—хоть голову рубите. Некоторое время стояла тишина, прерываемая только торопливым щёлканьем косточек на счётах: за перегородкой Аня подбивала какие-то итоги. Фёдор Никитич в ожидании ответа не без волнения потирал уже тронутый сединой висок и смотрел в окно на серое низкое небо. Вдруг он встрепенулся:

— Да-да, слушаю! Точно, в сентябре... Было? Да знаю, что было. Зачем вы меня убеждаете?! Правильно, тут же решался вопрос и о физкультурных организациях... Что, что? Протокол ещё не подписан? Да вы что, в своём уме?! Где же он до сих пор был? На обработке, на обработке! Все сроки прошли, а вы всё обрабатываете...—Фёдор Никитич хотел добавить ещё что-то такое грозное, но, вспомнив, что он не один в комнате, запнулся и сердито бросил трубку.

Минуту он сидел, не поднимая глаз, будто сосредоточенно считал сучки в полу, потом потёр подбородок и невесело улыбнулся.

— М-да, брат, получается не слишком складно... Признаюсь, признаюсь! Если сказать откровенно, то... Да, собственно говоря, ничего и не скажешь... Ладно, выправим положение. Судариков приедет, пусть позвонит мне...

* * *

«Вот и разберись, где тут корень зла!..—думал Фёдор Никитич, снова сидя в машине.— А ведь жучили меня на партконференции за отсутствие контроля. И правильно, что греха таить! Получается, как у петуха: было бы пропето, а там хоть не рассветай».

Настроение у Фёдора Никитича изменилось под стать погоде.

А погода была не из приятных. Теперь густо повалили сырые хлопья снега. Они с разлёту лепились на передние стёкла; механический «дворник» не успевал отмахивать их на обе стороны.

ПЕРВЫЕ ВСТРЕЧНЫЕ

Яков Николаевич Федосеев, председатель Трубетчинского райисполкома (Рязанская область) нервно прохаживался по просторному кабинету, непрерывно курил и то и дело поглядывал на бумагу, присланную с последней почтой из облисполкома.

— Какая смелость! — возмущался председатель. — Как будто в районе нет власти: обязательно ему надо писать председателю облисполкома! Нет, этого заведующего кинофикации надо сменить. Как говорится, сеанс окончен!

Сказано — сделано. Скоро сессия, где будут утверждаться заведующие отделами. Надо предложить на этот пост другую кандидатуру. Причина? Не справляется, мол, Панов с участком кинофикации. Да ещё имеет нахальство жаловаться председателю облисполкома тов. Сметанину, что якобы ему плохо помогаем.

И вот подходит сессия. Тов. Федосеев вызывает к себе инструктора райисполкома тов. Газина и говорит ему:

— Мы решили тебя поставить заведующим отделом кинофикации. Дело решённое. Ты справишься, я знаю. Идёт?

Инструктор оторопел.

— Нет, Яков Николаевич, я не пойду. Эта работа мне не по силам... Здесь требуется человек крупного плана.

Яков Николаевич был крайне удивлён.

— Смотрите-ка, — обратился он к присутствующим, — не хочет! Мы ему доверяем ответственный участок, а он отказывается!..

После бесцельной перепалки председатель райисполкома сказал:

— Ну, хорошо. Не хочешь — не надо. Ступай зови Игнаткина. Хватит ему работать в ДОСААФе.

Газин с быстротой крутящейся киноленты бросился на нижний этаж; однако менее чем через минуту вернулся и огорчённо сказал:

— Игнаткина нет, Яков Николаевич: уехал в Рязань.

Наступило молчание. В это время в кабинете появился заведующий общим отделом райисполкома тов. Каковкин. У председателя блеснула мысль, которую он не замедлил высказать:

— Каковкин, пойдёшь на кино?

Заведующий общим отделом был немного в курсе творящихся в райисполкоме кадровых дел, а потому со свойственной ему простотой сразу же ответил:

— Там голову сломишь!..

Опять неудача!

Но, как говорится, на ловца и зверь бежит. В кабинет зачем-то зашёл бывший (недавно снятый с работы как несправившийся) заведующий отделом культпросветработы тов. Красичков. «Вот находка!» — обрадовался тов. Федосеев и попросил всех, кроме Красичкова,

выйти из кабинета: наедине лучше можно договориться.

История умалчивает о том, в каком духе шли переговоры с Красичковым. Известно лишь одно: он тоже не согласился пойти «на кино».

Так этот вопрос о кадрах и остался в прежнем положении: заведующим отделом кинофикации был вновь утверждён тов. Панов. Но хоть и был он утверждён на сессии, однако тов. Федосеев не удержался от того, чтобы не напомнить ему о его неблагоприятном поступке. На первом же совещании заведующих отделами он сказал между прочим:

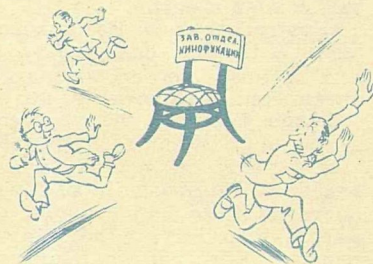
— Вот взять хотя бы Панова: работать не может, план не выполняет, а тоже пишет, жалуеться, да прямо председателю облисполкома!..

Больше Яков Николаевич ничего не сказал по этому поводу, но каждый и так должен был себе зарубить на носу: не пиши, куда не надо, не выноси сора из избы!..

Да, трудное это дело — подбор кадров.

И. БЛАНДОВЦЕВ,
А. МОСИН

с. Трубетчино,
Рязанской области.

В ГЛАВНОМ УПРАВЛЕНИИ КИНЕМАТОГРАФИИ

Рис. Вл. ДОВРОВОЛЬСКОГО.

— Вы кого хотите видеть?
— Мы хотим видеть Ильинского, Андреева, Жарова в новых кинокомедиях...

Я ПОПРОСИЛ БЫ!..

Немецкий военный преступник Фридрих Флик, которому западные оккупационные державы год тому назад возвратили имущество, продал около половины своих угольных предприятий в Руре французским монополистам. Эта сделка наносит громадный ущерб интересам немецкого народа.

Рис. Л. БРОДАТЫ.

Монолог одного из бывших во время предвыборной кампании

— Я попрошу! Кто говорит здесь о демократии? Здесь?! На Западе, там — да! Там у каждого класса своя партия. Каждый класс может бороться за свои интересы. Если ты рабочий, твои интересы защищает рабочая партия... Что? Иногда стреляют в них и арестовывают их руководителей? Но, боже мой праведный, на кой же чёрт выходить им на улицы, демонстрировать и вообще нарушать порядок? Я попросил бы!..

Нет, культурные люди так себя не ведут. Ни в коем случае! Почему, скажите, не стреляют в президентов компаний, банкиров и в других культурных людей? Почему не стреляют в Рокфеллера, в Дюпона? Потому, уверяю вас, что они цивилизованные люди. Они не демонстрируют, не мешают уличному движению и вообще... Да-с!

Там, на Западе — я попросил бы! — у каждого класса есть своя партия, которая призвана представлять интересы класса. На выборах каждый может свободно голосовать за ту партию, за какую он хочет. Демократия там, сударь мой, там человека не принуждают. Если, положим, рабочие не хотят жить без нанимателей, пусть не живут. И, нравится это промышленникам или нет, они должны примириться с этим. И примиряются, уверяю вас!

А что делается здесь? Одна партия! Одна-а! Посмотрите на мой большой палец. Вот сколько партий имеется у нас, вот! Всего-навсего! Ну? Ну, а эта партия, чьи интересы она представляет? Она представляет интересы людей, борющихся только за одну цель. Кто, например, представляет интересы крупных торговцев и предпринимателей? Никто-с! А если рабочий пожелал бы работать на заводе одного из капиталистов, мог ли бы он голосовать за капиталиста? Нет и ещё раз нет! Если кто-нибудь захочет стать слугой у помещика, сможет он голосовать за помещика? Увы, я попросил бы!.. Где же здесь демократия, милейший, а?

И вообще одна партия не может представлять интересы всех трудящихся. Потому что, как дважды два четыре, среди трудящихся есть рабочие, крестьяне и интеллигенция. Прошу прощения, ваш отец, кажется, токарь... то есть вы сами-то ведь вышли из рабочих? Ну, как вы думаете: чьи интересы защищают эти... коммунисты... то есть эта одна партия? Интересы рабочих? Ха-ха! Крестьян, уверяю вас! Коммунисты только говорят о рабочих, а вы посмотрите, что они делают. Заставляют рабочих работать; крестьяне же тем временем снимают сливки. Зачем, скажите, такими головокружительными темпами развивать тяжёлую промышленность, зачем этих бедных рабочих заставляют выпускать такое множество тракторов, комбайнов и других машин? Чтобы облегчить труд крестьян, милейший! Зачем, спрашивается, сооружать оросительные системы и производить в таких невероятных количествах — извините за выражение — искусственные удобрения? А затем — я попрошу! — чтобы земля крестьян стала производительней и доходней. Вот-с! Зачем производить такое неслыханное количество обуви, тканей и других подобных товаров? Чтобы крестьянин мог закупить всё это на свой колоссальный доход, который он алчно выручил от продажи своих продуктов. А к чему это приведёт, сударь мой? К тому, что рабочие просто-напросто пойдут в крестьяне и — я попросил бы! — мы из промышленной страны превратимся в сельскохозяйственную...

Что? Вы пошутили? Вы крестьянского происхождения? Гм... Кхе... Хе-хе!.. И я тоже пошутил. Ей богу! Ну, разумеется, эта единственная партия защищает интересы рабочих. И за счёт кого? Как раз за счёт крестьян! Зачем коммунисты снабжают крестьян таким множеством тракторов, плугов и всего прочего, строят каналы и, прошу прощения, производят это гигантское количество скверно пахнущих удобрений? Для того, чтобы крестьяне поставляли рабочим как можно больше продуктов по самым низким ценам, а рабочие могли бы хапать всё это на те бешеные деньги, которые они прикарманивают за свою работу. Вот такая хитрая политика, сударь мой. А к чему она приведёт? К тому, что забитые и голодные крестьяне всё чаще и чаще будут отдавать своих детей в промышленность. И мы превратимся — я попросил бы! — из сельскохозяйственной страны в промышленную. Вот, милейший!

Что? Вы опять пошутили? Вы интеллигент? Кхе... Сегодня чудесная погода, не правда ли? Впрочем, и я тоже... того... пошутил. Конечно же, милейший! Ха-ха! Так вы интеллигент? Ну, этим хуже всех. Скажите на милость, кто отстаивает ваши интересы? Постойте, сейчас я вам сам объясню. Вы сначала сказали, что вы рабочего происхождения, а потом... Что? Ваш отец рабочий, а мать крестьянка? Что? Рабочий класс, крестьянство и интеллигенция борются за одну цель — за коммунизм? И у нас в стране не может быть никакой другой партии, которую они поддерживали бы, кроме одной этой партии? Ну, знаете ли... Что? Сейчас, сейчас... Хорошо, только, пожалуйста, не трясите меня так... Хорошо, я уйду, но я попрошу... С вами нельзя побеседовать по порядочному... Я попросил бы!..

Перевёл с венгерского из сатирического журнала
«Лудаш мати» Л. КАЛИТЕНКО.

— Флик имущество продал наполовину, а интересы народа целиком...

(ПО ВОЛЬТЕРУ)

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

КАК КАНДИД ПОТЕРЯЛ СВОЙ УЧАСТОК ЗЕМЛИ,
В КОТОРОМ ОН НУЖДАЛСЯ, И КАК НАШЕЛ ЗАЩИТУ,
В КОТОРОЙ НЕ НУЖДАЛСЯ.

Мы оставили Кандида и его друзей, когда они наконец обрели покой на маленьком участке земли. Участок приносил много. «Кунигунда, правда, была очень некрасива, но она превосходно пекла пироги; Пакета вышивала; старуха заботилась о белье». Это счастье длилось недолго, всего полтора столетия, но годы летели, как минуты.

Выйдя однажды утром из домика, Кандид с изумлением увидел знакомых иностранцев, которые ходили по его участку и топтали цветы.

— Здравствуйте, господа!—вежливо сказал Кандид.—Кто вы такие и чем помешали вам мои цветы?

— К чёрту цветы вместе с тобою!—ответил один из иностранцев.—Мы приехали из-за океана, и нам нужен твой участок!

Кандид из всех заокеанских жителей знал только гурона (см. Вольтер «Простодушный»). Он решил, что перед ним гуроны. Зная их простодушие, которое иногда называли дикостью, Кандид сказал кротко, чтобы не раздражать незнакомцев:

— Участок нужен мне самому. А зачем он понадобился вам?

— Мы построим военную базу — аэродром. Отсюда будут летать на бомбёжку. А первым вылетит ты, и притом кверху ногами.

Гуроны захохотали. Один из них сказал снисходительно:

— Мы приехали сюда, туземец, чтобы защищать тебя.

— От кого?—спросил Кандид.

— От врагов, которые растопчут твой сад, вырубят деревья и снесут дом.

В это время другие гуроны валили деревья, а огромный танк двинулся на домик Кандида.

Философ Панглос, слушавший беседу Кандида с добрым гуроном, спросил в свою очередь:

— Скажи, уважаемый иностранец, если дело сводится к тому, чтобы сносить дома, уничтожать посевы и обрекать людей мирного труда на безработицу и голод, то каково же различие между нашими врагами, которых мы не видим и не знаем, и нашими защитниками, которых мы видим перед собой?

Доброму гурону, видимо, не понравился философский вопрос доктора Панглоса, и он крикнул своим спутникам:

— Эти туземцы — красные! Они не хотят видеть в нас своих благодетелей. Уберите их во имя их блага!

Гуроны немедленно и с большим удовольствием выполнили приказ. При этом они повредили Кандиду два ребра, вывихнули руку доктору Панглосу и мимоходом нанесли урон женской чести Кунигунды и Пакеты.

Усевшись на придорожном камне, Кандид и Панглос обсуждали создавшееся положение.

— Неужели ты, мой мудрый учитель,—сказал Кандид,—и теперь стоишь на том, что всё к лучшему на свете?

— Несомненно!—возразил Панглос, вправляя руку на положенное ей место.—Освободив нас от участка земли, добрые гуроны освободили нас от налогов и от мучительных забот об уплате процентов по закладной. Они принесли нам свободу, которая является высшим благом. А для того, чтобы мы оценили это благо по достоинству, они предварительно связали нас «помощью». Благословим же ярмо, которое гуроны надели нам на шею!

— Надо сказать не благословим, а ратифицируем,—поправил Кандид, который читал газеты, презираемые Панглосом, и был ближе к современности,—но я не согласен с этим. Наша страна малая и слабая, ей, подобно Кунигунде, трудно защищать свою честь. Мы поищем страну большую и сильную, чтобы возделывать там землю и мирно вкушать плоды своих трудов.

И они направились во Францию.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ,

В КОТОРОЙ КАНДИД ВЫЯСНЯЕТ, ЧТО ТАКОЕ
СУВЕРЕНИТЕТ.

Кандид и его спутники обходили прекрасную Францию. Крестьяне трудились на полях и виноградниках, рабочие—на заводах и в мастерских. Они были приветливы, но печальны. Кандид замечал всюду упадок промышленности и земледелия, запущенность и нищету.

Кандид спрашивал о причинах такой разрухи.

— Война,—говорили ему,—расходы на войну.

— Зачем же нужна война, которая разоряет вас?

— Она нужна тем, кого обогащает.

— Я понимаю,—сказал Кандид,—так было и раньше, когда я посещал вашу страну. Миллионы семейств трудились и жили в нужде для того, чтобы благоденствовало одно королевское семейство. Это семейство обладало чрезвычайным аппетитом.

— Теперь у нас двести таких семейств. Им нужна война.

— Это плохая семейственность,—сказал Кандид.

— Это буржуазная республика,—сказал француз.

Направляясь дальше на север, Кандид и его спутники остановились перед преградой. Надпись на ней гласила: «Посторонним вход воспрещается».

Кандид обратился к одноногому человеку, который сидел у дороги и меланхолично курил трубку:

— Не скажете ли, добрый человек, можем ли мы пройти по этой дороге?

— Вы не из-за океана?

— Нет, мы не гуроны.

— Ну, так вы посторонние. Вам нельзя.

— А кто вы?

— Я француз.

— Значит, вы свой?

— Нет, я посторонний.

Кандид присел рядом с одноногим.

— Я вижу по вашей одежде,—сказал он,—что вы бывший солдат. Где вы потеряли ногу?

— Воевал во Вьетнаме, будь он не ладен!

— Из-за чего?

— Из-за суверенитета.

— Я не совсем понимаю, что это значит,—сказал Кандид.

Подумав, бывший солдат сказал:

— Наши хозяева во Вьетнаме отнимают у туземцев суверенитет оружием. Это война. А здесь они уступают суверенитет оптом и в розницу. Это они называют миром.

Доктор Панглос заметил:

— Я слышал, что самая оживлённая торговля суверенитетом процветает в немецком городе Бонне. Времена меняются. Когда наша милая Пакета продавала свою любовь, она и не думала, что торгует своим суверенитетом.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ.

КАК КАНДИД И ПАНГЛОС ЧЕСТВОВАЛИ В ПАРИЖЕ
ПАМЯТЬ ВОЛЬТЕРА И ЧТО ИЗ ЭТОГО ВЫШЛО.

Панглос сказал:

— В Париже происходит чествование памяти великого французского философа, писателя, сатирика Вольтера. Прошло сто семьдесят пять лет после его смерти. Примем участие в торжестве.

— Очень хорошо,—согласилась Кунигунда,—пойдём в рабочий клуб на соседней улице.

— Нет,—возразил Панглос,—Вольтер писал для философов. Я предлагаю отправиться в Сорбонну, где, я думаю, мы найдём весь цвет французской мудрости.

— Вы философ,—сказала Кунигунда,—идите к философам. Я не

знаю, что у них будет. А рабочий клуб приглашает на торжественный вечер памяти Вольтера.

И они разошлись в разные стороны: Кандид и Кунигунда — в рабочий клуб, Панглос — в Сорбонну.

Когда Панглос вошёл в аудиторию, на кафедре старый, лысый человек заканчивал свою речь.

— Итак, — говорил оратор, — отмечая столетие со дня смерти человека, который принёс столько беспокойства столпам французского

благочестия, мы должны помянуть добрым словом не его, а тех, кто охранял народ от его тлетворной проповеди, от его злой насмешки над нами. Почтим же тех, кто изгнал его из Франции, кто томил его в тюрьме. Воздадим благодарность палачу, который, не имея возможности сжечь самого Вольтера, сжёг бестрепетной рукой его знаменитого «Кандида». Этот палач был предком нашего уважаемого собрата господина Мориака, чьё богоугодное слово восклицает пред нами блаженные времена святой инквизиции. Вольтер был бесчестным и безбожным коммунистом...

— Прошу прощения, — сказал доктор Панглос, — но вы ошибаетесь. Я лично знал Вольтера. Он был противником коммунизма и защищал частную собственность. Он был врагом мракобесия и стоял за науку и разум...

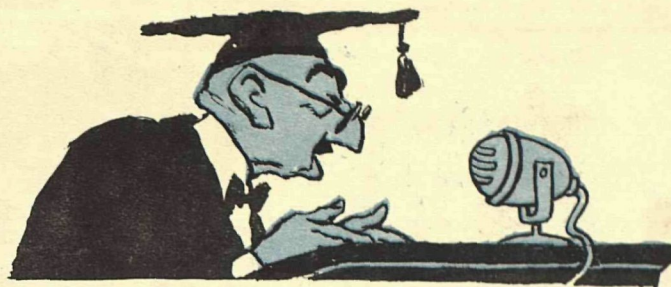
— Он был коммунистом! — закричали старики.

— Нет, он не был коммунистом. Он боролся за свободу слова...

— Коммунист!

— Он осуждал захватнические войны...

— Коммунист!!

— Он был честным французским патриотом и боролся за независимость родины...

— Коммунист, коммунист, коммунист!!! — ревели учёные и философы. — Арестуйте этого вольтерианца-коммуниста!

И не успел доктор Панглос опомниться, как очутился за решёткой в полицейском участке. К своему крайнему удивлению, он встретился здесь с Кандидом. Они бросились друг другу в объятия.

— За что же вас схватили, мой добрый учитель? — спросил Кандид.

— За то, что я не соглашался с оратором, который поносил Вольтера. А вас за что?

— За то, что я соглашался с оратором, который восхвалял Вольтера, как великого мыслителя и просветителя французского народа. Полиция разогнала собрание и арестовала оратора и меня.

— Что же вы сказали такое непозволительное? — спросил Панглос.

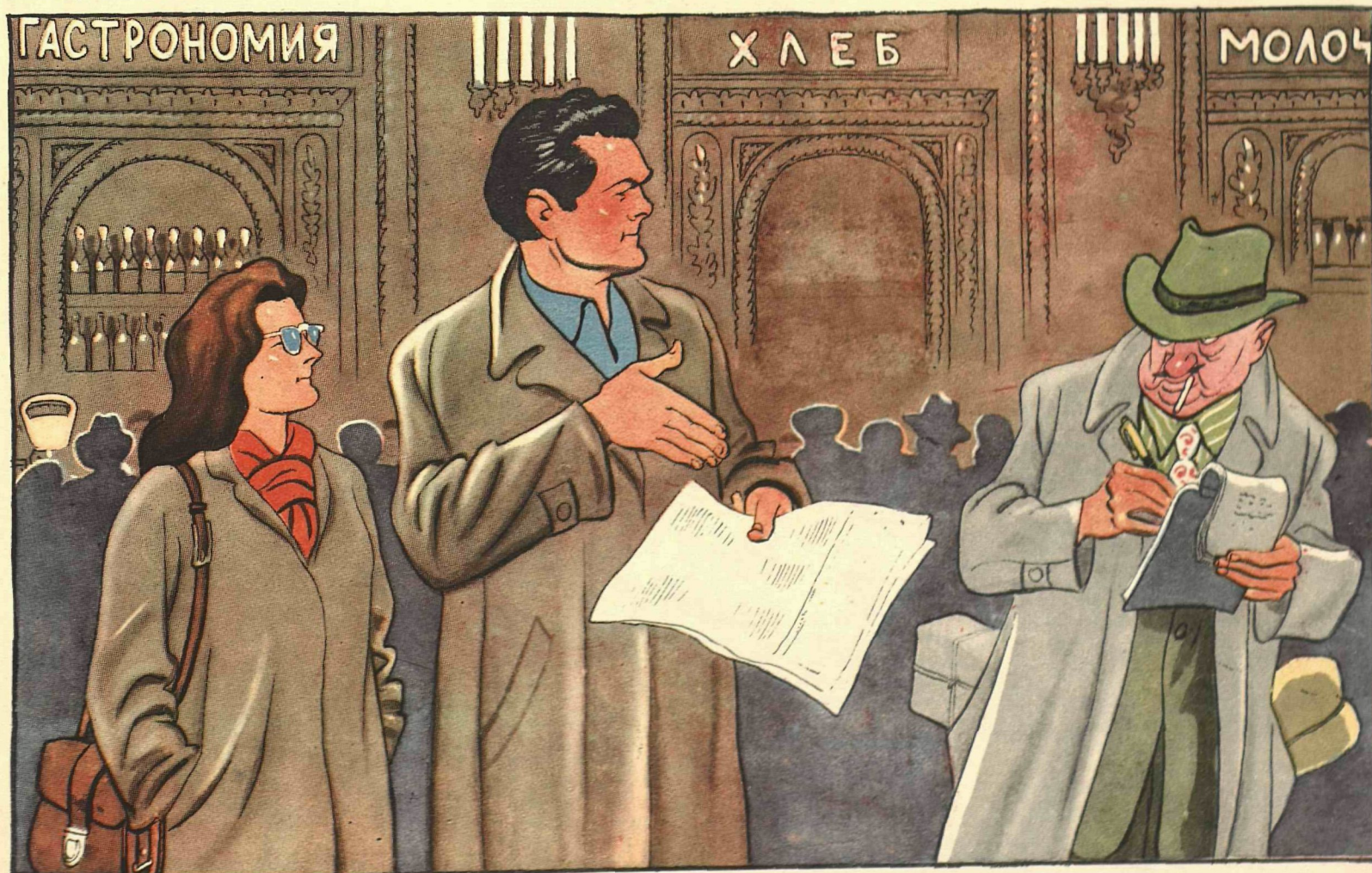
— Я сказал, что Вольтер всегда был великим гражданином Франции. Находите ли вы, дорогой учитель, что всё к лучшему на свете?

— Безусловно, мой милый Кандид! Во-первых, если бы нас не избили и не арестовали из-за Вольтера, мы так и не поняли бы, кто же во Франции свой, а кто чужой. Во-вторых, мы убедились в том, что дело Вольтера бессмертно, потому что его наследство перешло во владение к рабочему классу, к народу Франции.

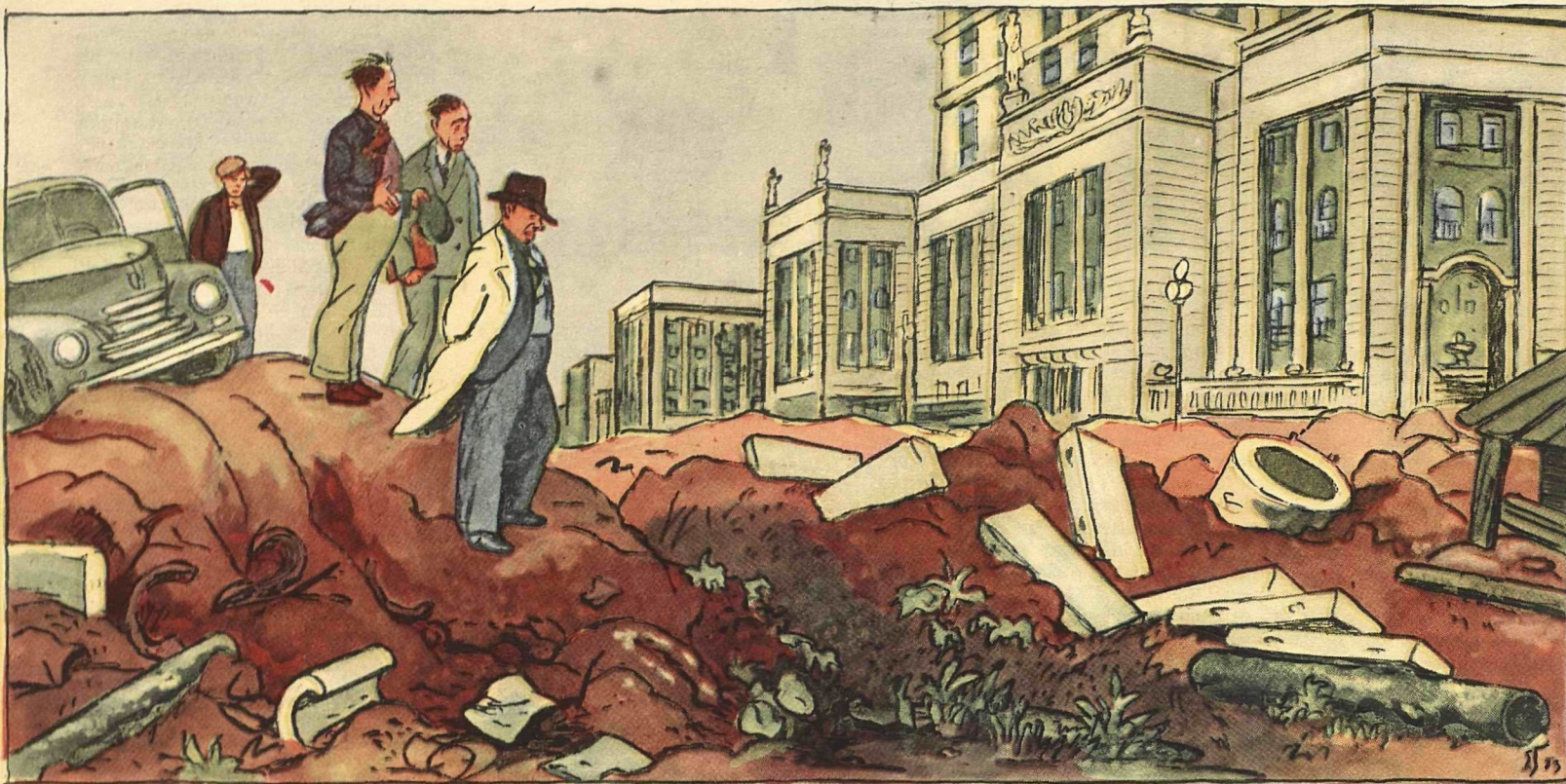
Д. ЗАСЛАВСКИЙ

ИНОСТРАНЦЫ В МОСКВЕ

Рис. Бор. ЕФИМОВА.

— Тут такой большой выбор продуктов, господин корреспондент, а вы всё время снабжаете нас только утками...

— Строят так, что дальше ехать некуда...

ВИЛЫ В БОК

ПУСТОЦВЕТЫ В АРЬКАХ

Двойная паровозная тяга в составе — хорошо, два мотора в самолёте — тоже, а вот два хозяина в одном деле — наоборот.

Раньше в Кзыл-Орде был один облводхоз при исполкоме облсовета. Года два назад появился в городе ещё один облводхоз, но подчинённый Главному управлению водного хозяйства при Совете министров Казахской ССР. И вот живут, поглядывая друг на друга, два хозяина в одном хозяйстве. В каждом водхозе, естественно, свой штат, у каждого своя проектная контора и своё строительно-монтажное управление. И ни тот, ни другой ничего не проектируют, ничего не строят, ничем не управляют. Под орошение сенокосов в области подготовлена только треть площади, а в каналах и арьках преимущественно ил.

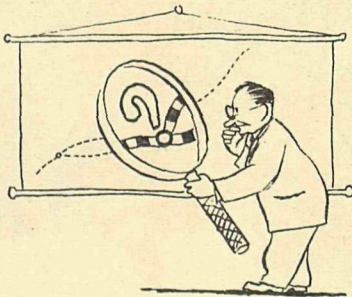
Известно, что вода даёт жизнь всем растениям, даже и бесполезным пустоцветам, но это не значит, что водное хозяйство Кзыл-Орды должно давать жизнь двум организациям, дублирующим друг друга в бездельи.

БЕЛОЕ ПЯТНО

Работники Зангезурского рудного управления (город Кафан, Армянской ССР) стали свидетелями удивительного географического открытия: территория, на которой стоят вагонные весы рудоуправления, оказалась «белым пятном».

В прошлом году весы отремонтировали, после чего их должен был принять государственный поверитель. Директор рудоуправления обратился в Ереван с просьбой прислать представителя по части мер и весов.

— Весы стоят у ветки Азербайджанской железной дороги. Обратитесь в Азербайджан! — сообщили из столицы Армении.

После запроса был получен из Баку не менее убедительный ответ:

— Территория, на которой стоят весы, к нам не относится. Обращайтесь в Ереван!

Не сразу поняли зангезурские горняки, что обнаружилась территория, не нанесённая на карты административного деления. Полтора года беспокоили они своими запросами Ереван и Баку, но руководящие товарищи в республиканских центрах твёрдо стояли на своём и, таким образом, подтвердили географическую новость.

Очевидно, зангезурцам придётся обождать с эксплуатацией весов, пока это «белое пятно» будет исследовано и нанесено на карты.

ПЕРСОНАЛЬНЫЙ КУЧЕР

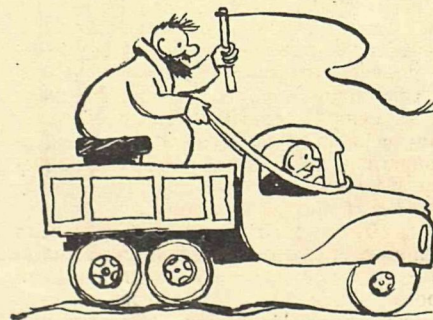
Кипучая деятельность А. Е. Пахомова в качестве шофёра Загородного спиртозавода Рязанского спиртотреста закончилась быстро. За полтора месяца он допустил две аварии и организовал поездку «налево». Не дожидаясь новых «подвигов» предприимчивого шофёра, Пахомова уволили.

Но, как говорится, мир не без добрых людей. Сам председатель президиума обкома профсоюза пищевой промышленности В. А. Матвеев принял горячее участие в судьбе уволенного. По жалобе Пахомова президиум вынес специальное решение, где аварии были признаны случайными, а поездка «налево» была квалифицирована таким весьма оригинальным образом:

«...§ 2. Личный кучер директора завода пользуясь служебным положением вынудил Пахомова привезти ему одну тонну торфа с болота «Тинки», ссылаясь на распоряжение директора».

— Ай-яй-яй! Какой коварный кучер! — воскликнули на спиртозаводе. — Только откуда он взялся? До сих пор у директора такового не было!

Вот какой сердобольный тов. Матвеев! Кучера с высоким служебным положением придумал, лишь бы смягчить вину нарушителя дисциплины.

2000 дней БЕЗ ВОДЫ

— Опять о «Франце Меринге»! — недовольно скажет наш читатель. — А я полагал, что этот пароход на всех парах давно уже носится по морским волнам.

Дорогой читатель! Великодушно прости нас: мы вынуждены, к сожалению, в третий раз выступить в защиту многострадального корабля.

Бывший министр Морского флота Н. В. Новиков и его заместитель А. П. Меньшиков быстро и охотно признавали критику Крокодила справедливой, устанавливали окончательные для ремонта сроки, налагали строгие взыскания на виновных в срыве этих сроков, устанавливали новые окончательные сроки, заверяли вышестоящих товарищей:

— Не сегодня-завтра корабль спустим на воду. Смело включайте его эксплуатацию в народнохозяйственные планы.

Свыше 2000 дней провёл уже «Франц Меринг» без воды. Н. В. Новиков перестал быть министром, А. П. Меньшиков ещё раньше перестал быть заместителем министра.

Большие перемены произошли и на заводе. Объём ремонта парохода менялся несколько раз. Менялась, естественно, и смета: она увеличилась теперь более чем в два раза. И это, повидимому, не предел.

Конструкторское бюро, руководимое Г. А. Меграбовым, пять раз меняло технические проекты. А сколько раз бюро обещало заводу выслать рабочие чертежи — и не счесть! Обещало и не выслало!

Свыше 2000 дней безводного существования! Редкостный рекорд! Всем хочется знать, как он был завоёван и кто тут отличился. С этой целью мы обратились к ряду руководящих работников министерства со специальной анкетой.

Но с первых же шагов нас постигла неудача. Наш вопрос, сколько всего было издано приказов и решений о ремонте парохода «Франц Меринг», повис в воздухе. Никто во всём министерстве не сумел дать на него ответа.

Остался без ответа и другой вопрос: какой приказ произвёл наибольшее впечатление? Оказывается, все приказы похожи друг на друга, как две капли воды, по которой, кстати, так истосковался пароход «Франц Меринг».

Получилась осечка и с третьим вопросом: кто конкретно виноват в затяжке с ремонтом судна? Со всех сторон раздался бодрый голос:

— Только не я!

Тогда мы спросили: как следует понимать государственную дисциплину? Наши собеседники тут и вовсе растерялись. Желая выручить их из неловкого положения, мы подготовили возможные варианты ответов. Будь товарищи откровенными, они наверняка сказали бы так:

Бывший главный инженер пароходства Н. Г. Быков:

— Государственная дисциплина не игра в бирюльки. Самое главное — это воспитать в каждом работнике чувство личной ответственности за порученное дело. Иначе получится конфуз. Как, например, со мной. Министр возложил на меня 19 мая 1950 года персональную ответственность за сдачу парохода в эксплуатацию к весне 1951 года. А в чём заключалась эта персональная ответственность, честное слово, я не понял до сих пор!

Тогда же, 19 мая 1950 года, министр указал мне на плохую подготовку технической документации и предупредил, что наложит на меня более строгое взыскание. На этот раз он своё слово сдержал, и, действительно, через год мне объявили выговор. Я собирался в порядке самокритики сделать необходимые выводы, но меня опередили и выдвинули на руководящую работу в объединённое министерство — началь-

ником производственного управления. Так что теперь я подхлестываю других за нарушение государственной дисциплины. Можете не сомневаться: с нарушителями я буду беспощаден!

Заместитель начальника Главморречпрома А. П. Ефимов:

— Вы по поводу чего? Ах, да, насчёт государственной дисциплины! Всё яснее ясного: приказы на то и пишутся, чтобы их выполнять. 16 июля 1951 года коллегия министерства предложила мне форсировать ремонт парохода. Я и форсировал. А если из всего этого получился пшик, то при чём тут дисциплина?

Бывший директор завода К. М. Чумаков:

— Государственную дисциплину надо строго соблюдать. Это истина, как дважды два — четыре. Я работал настолько усердно, что пытался доказать, что дважды два — пять, и приписал к выполненной программе чуть ли не на три миллиона рублей невыполненных работ. Чтобы закрепить мои познания в арифметике, меня срочно направили на учёбу в академию.

Начальник Главмортехснаба Г. И. Зеленко:

— А. П. Меньшиков, будучи заместителем министра, ставил меня в пример всякий раз, когда говорил о государственной дисциплине. По его словам, я ещё в августе 1951 года обеспечил ремонт судна всеми материалами.

И коли теперь обнаружилось, что главк, которым я руководил, не поставил многих материалов, винить следует не меня.

Исполняющий обязанности главного инженера пароходства Н. Д. Коган:

— Нельзя терпеть того, чтобы к государственной дисциплине относились с выжидательно-созерцательных позиций. Я, например, активно участвую в ремонте парохода. Проследите хотя бы за нашей перепиской! Не хвалясь, могу сказать: все мои письма на завод и в министерство исполнены уверенности и категорических обещаний — рано или поздно поставить недостающее оборудование. Не вам объяснять, что значит вселить бодрый дух!

Начальник конструкторского бюро Н. А. Гайсенок:

— Меня обязали направить на завод бригаду из двенадцати человек, я послал двоих. И за то пусть скажут мне спасибо! При желании я мог бы вообще никого не посылать, учитывая, конечно, блестяще поставленный контроль исполнения приказов по министерству. Выводы о моём честном отношении к государственной дисциплине напрашиваются сами.

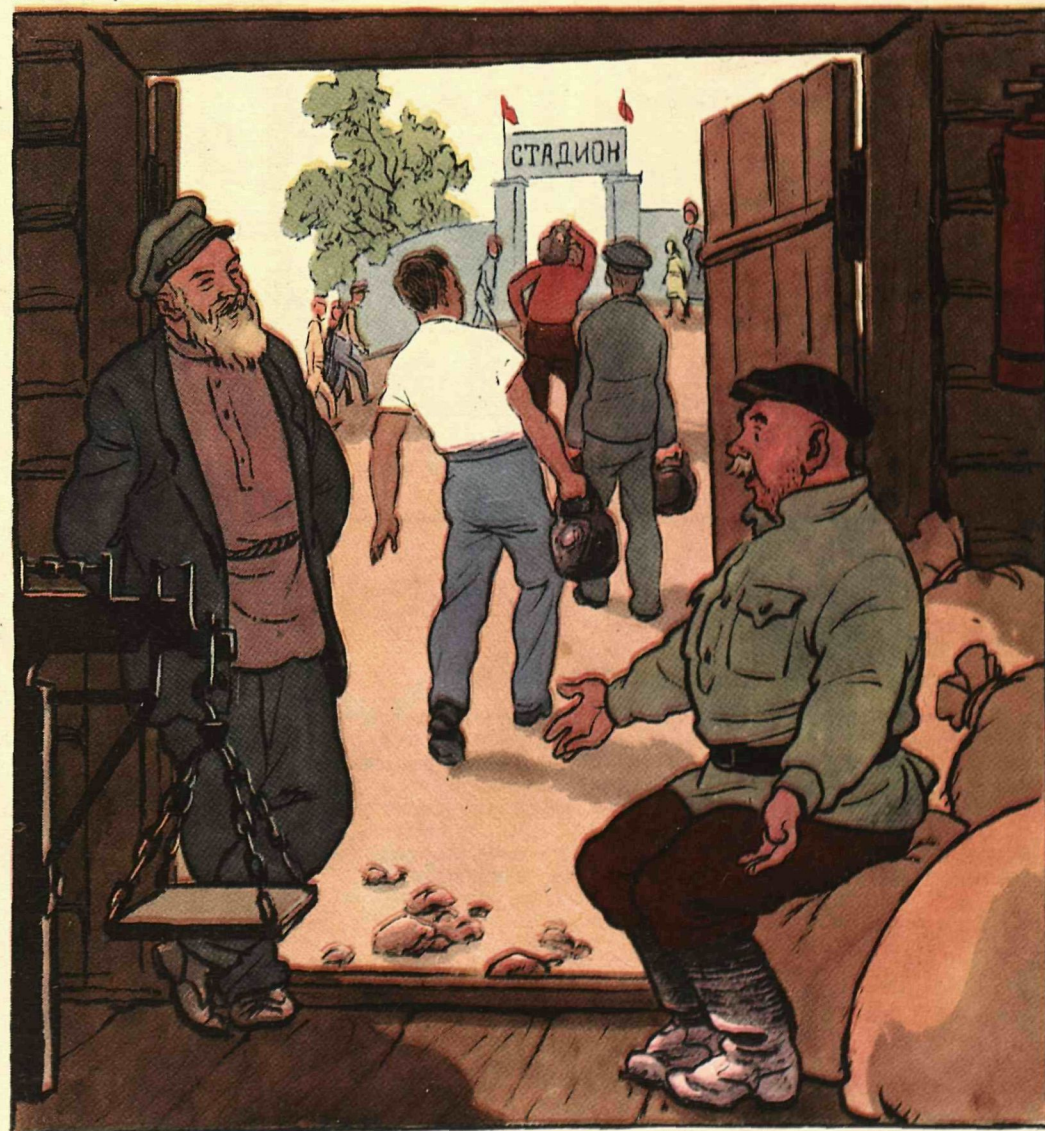
* * *

Вот какие возможны отклики на анкету, дорогой читатель. Понятно, товарищи, ответственные за ремонт «Франца Меринга», могут предложить и свои варианты ответов. Тем более, что в конце концов каждому из них придётся всё-таки ответить на вопрос: «Что же такое государственная дисциплина?» — а нам не придётся больше возвращаться к «Францу Мерингу», который, надо полагать, всё-таки вырвется скоро из бумажной пучины на широкий морской простор. И тогда мы ему от всей души пожелаем: «Счастливого плавания!»...

Е. ВЕСЕНИН

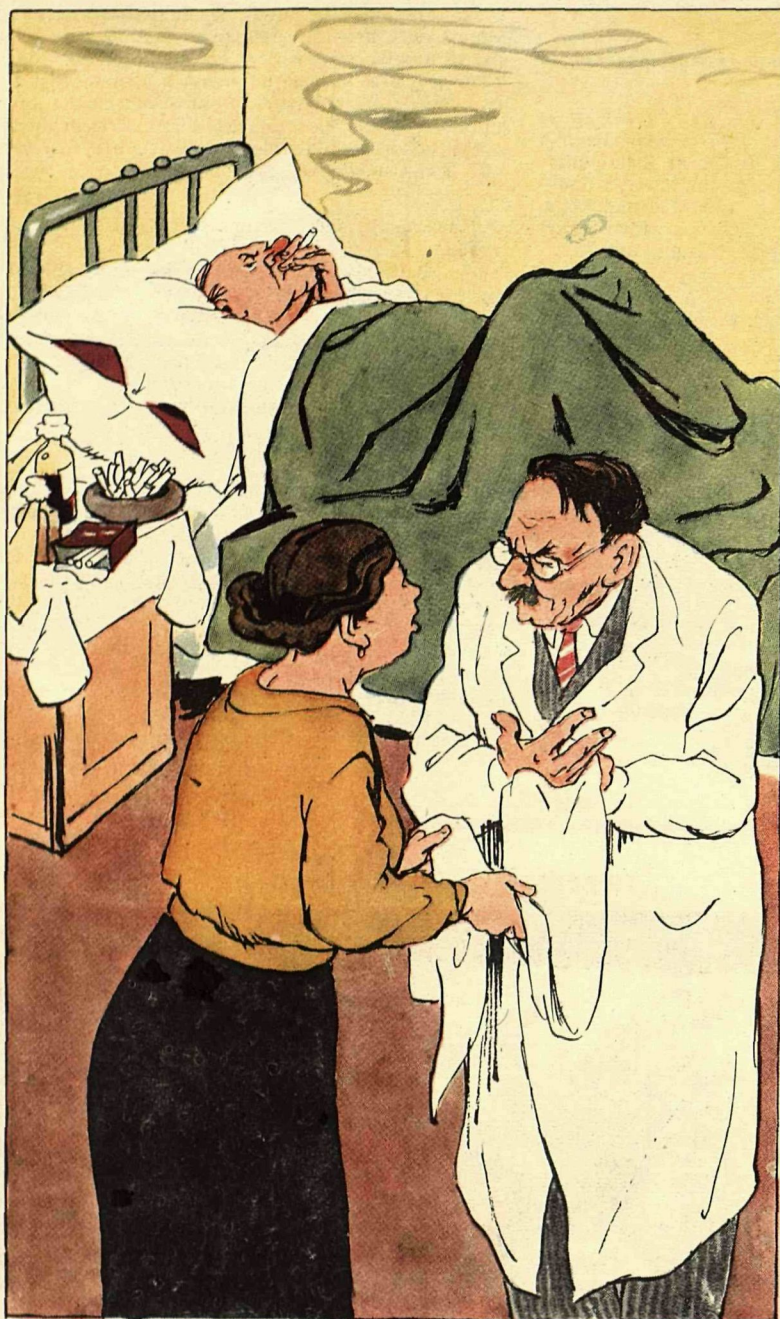
Рис. Е. ЩЕГЛОВА.

ТЯЖЁЛЫЙ СЛУЧАЙ

— Прямо беда! Как только у нас начинаются состязания по поднятию тяжестей, — хоть торговлю закрывай: все гири нарасхват!

Рис. А. ВАЖЕНОВА.

— Пациент упорно не выполняет моих указаний!
— А вы дайте ему выговор. Иначе он не может...

Сообщаем АДРЕСА

САПОГИ «НЕ ТРОНЬ МЕНЯ»

По укоренившейся привычке жители Куликовского района, Черниговской области, купив в магазине сельпо новые сапоги, надели их на ноги и начали носить. За эту свою приверженность к старинному способу использования обуви они жестоко поплатились: уже через неделю начала рваться гнилая дратва, головки расстались с голенищами, а из смятых задников вылезла бумага. Пришлось жителям идти обратно в сельпо, неся на руках бранные останки того, что под названием «сапоги» вырабатывает

артель «КООПРЕМОНТ»,
Ново-Белица, Гомельской области.

Светофор зелёным глазом вспыхнул вдруг.
Пропел гудок.

И вагоны, вздрогнув разом, понеслись на огонёк. Шёл со скоростью курьерской чистый новенький состав.

Он к перрону «Пионерской» прибыл во-время. И стал. Постоял. Помчался снова. А на рельсах нёс дозор яркоглазый и суровый страж движения—светофор...

Рты раскрыв от удивленья, приковав к игрушке взгляд, замерла в немом волненьи группа маленьких ребят. И, на скорый поезд глядя, им одним увлечена, не заметила, как сзади подошли большие дяди и притом в больших чинах:

главный инженер Шахтинского отделения Северо-Кавказской железной дороги тов. ТИСЛЕНКО,
участковый ревизор по безопасности движения тов. ЗАЦЕПИН,
начальник технического сектора отдела эксплуатации тов. ПЛЕ-СКАЧЕВСКИЙ,

старший инженер по техническому обучению тов. ЛЕЖНЕВ.

— Ва!..

Дыханье спёрло в горле, закипел восторг в душе. Вчетвером они оттерли от прилавка малышкой (в шахтинском универмаге был в апреле этот факт). И тотчас в пылу отваги заключили устный пакт.

— Это нам как раз и нужно!

— Вот игрушка—прямо в цель!—закричали дяди дружно.

— Хорошо! Берём модель!.. Вот подспорье обученью! Нам игрушка может дать, без сомненья, облегчение усвоения движения — график будем соблюдать!

Взял бухгалтер на подмогу. Срочно сделан перевод.

И «железную дорогу» Лежнев бережно несёт.

Сам начальник отделения К. И. Резников, и он с неподдельным вдохновеньем был игрушкой увлечён. О делах не беспокоясь, с ней часы он проводил: то пускал по рельсам поезд, то внезапно тормозил, то по-детски ясным взором, отрешённым от забот, восхищался светофором, приоткрыв в восторге рот. То гудком он забавлялся, словно малое дитя, умилялся, удивлялся и заметил не шутя:

— Хоть и детская дорога, хоть игрушка, а всегда соблюдают график строго лилипуты-поезда!..

То — игрушка. Развлеченье... В Шахтинском же отделении всё как раз наоборот: нет о графике забот; не считаясь с расписанием, отправляют поезда; руководство без вниманья оставляет опоздания («Вот, подумаешь, беда!»). Уголь грузится с прохладцей, а нагруженный маршрут заставляют дожидаться — паровоза не дают!.. Выгружают тоже с ленью: по ночам и тишь и гладь; утром, по обыкновенью, начинают штурмовать.

На работу эту глядя, утешенья не нашли, так игрушкой детской дяди душу, малость отвели. Позабавились немного, порезвились, как могли, и «железную дорогу» в семилетку отнесли: ведь нельзя ж таким манером взрослым дядям-инженерам всё вагончики гонять, надо же и пионерам дать возможность поиграть... Подарили и жалеют:

— С ней, с игрушкой, веселее и справляться проще с ней. Разобраться если строго, настоящей дорогой управлять куда трудней!..

А. СТОВАЦКИЙ

ПО ПЕЧАТНЫМ СТРАНИЦАМ НЕВЗИРАЯ НА ЛИЦА

ЛОЖКА ДЁГТЯ

Из чего пчёлы делают мёд? Учебник зоологии для средней школы, опираясь на познания дедов и прадедов, так отвечает на этот вопрос: «Перелетая с цветка на цветок, рабочие пчёлы всасывают сладкий нектар... В желудочке нектар превращается в мёд».

Профессор Фролов, автор книги «От инстинкта до разума», решил снабдить пчёл новым сырьём.

«Каждая пчела, — сообщается в книге, — обладает... сложно устроенным желудком, отлично приспособленным для переработки... пыльцы в мёд».

Выдающееся открытие! Доволен автор, довольны редактор и рецензенты. Только пчёлы почему-то не приняли этой рационализации: продолжают перерабатывать в мёд не пыльцу, а нектар из цветов.

Нет, недаром говорят, что бочку мёда может испортить ложка дёгтя.

УВАЖАЕМЫЙ КРОКОДИЛ!

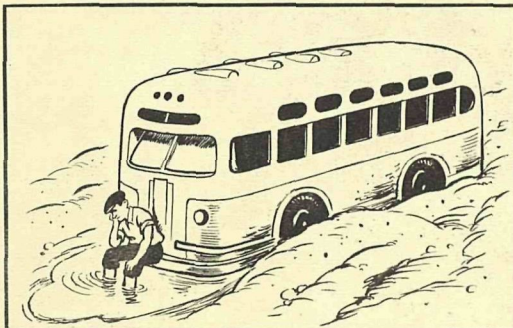
Близ Саратова имеется замечательный целебный сероводородный источник. Там построена водолечебница, которую ежедневно посещают сотни больных. Саратовский горсовет не хочет заняться прокладкой хорошей автодороги, ведущей к водолечебнице.

А. ЧУКАРЕВ,
инвалид Отечественной войны
г. Саратов.

Рис. Н. ЛИСОГОРСКОГО.

Пассажиры ждут автобуса.

Автобус ждёт дорогу.

А дорога ждёт вашего внимания, товарищи из горисполкома.

Дорогой Крокодил!

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

ДОРОГОЙ КРОКОДИЛ!

Лесосеки Черёмуховского лесоучастка засорены порубочными остатками. Из-за этого возникают пожары, грибные заболевания деревьев, снижается качество деловой древесины. Однако начальник лесозаготовительного участка М. Я. Пантелеев не организует охрану леса.

Лесничий Л. ПОТАПОВ
Коми АССР.

Рис. Л. ГЕНЧА.

В ЛЕСУ ГОВОРЯТ, В БОРУ ГОВОРЯТ...

— Много я видел на своём веку — и пожары и грибные заболевания... Но такого руководителя, как Пантелеев, не видал!
— И не увидишь! Он тут никогда не бывает...

ТОВАРИЩ КРОКОДИЛ!

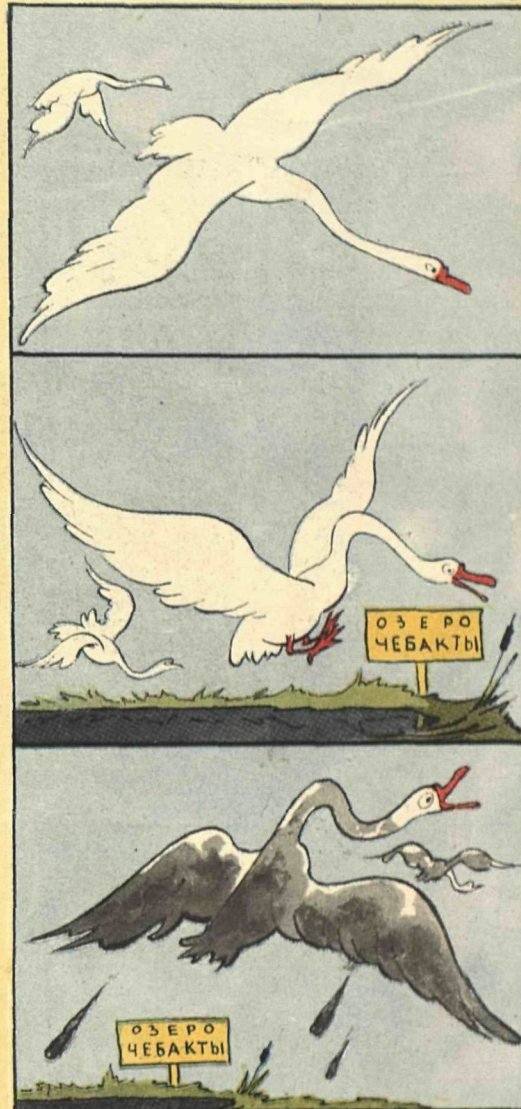
Озеро Чебакты некогда привлекало и любителей купаться и водоплавающую дичь. Сейчас озеро засорено нефтью.

П. ЗАВАРУХИН
Баш. АССР.

ГУСИ-ЛЕБЕДИ

(Не сказка, а печальная быль)

Рис. Ю. ФЕДОРОВА.

ГДЕ ТОНКО, ТАМ И РВЁТСЯ!

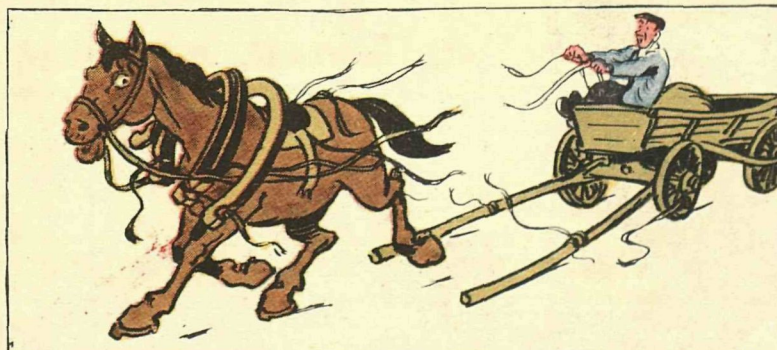

Рис. А. БАЖЕНОВА.

— С таким качеством далеко не уедешь!

ДОРОГОЙ КРОКОДИЛ!

Так как в нашем городе отсутствуют предприятия местной промышленности по изготовлению шорных изделий, дирекция Сулинского металлургического завода обратилась в адрес саратовской конторы «Снабчермета» с просьбой отгрузить двадцать пять комплектов качественной сбруи. Через посредство вышеуказанной конторы завод в конце концов получил сбрую. Но через несколько минут от неё ничего не осталось: она была сделана (артелью имени Чапаева, в Уральске) из... дерматина.

Красный Сулин,
Ростовской области.

И. РУДОЙ

Главный редактор — Д. БЕЛЯЕВ. Редакционная коллегия: С. ШВЕЦОВ (зам. главного редактора), А. ВАСИЛЬЕВ, Д. ЗАСЛАВСКИЙ, В. КОНОВАЛОВ, И. КОСТЮКОВ, КУКРЫНИКОВ (М. КУПРИЯНОВ, П. КРЫЛОВ, Н. СОКОЛОВ), С. НАРИНЬЯНИ, И. РЯБОВ.

Изд-во „ПРАВДА“. Адрес ред.: Москва, 47, ул. „Правды“, 24. Тел. Д 3-33-47, Д 3-32-50. Приём ежедневно (кроме воскресных дней) с 13 до 17 часов.

Москва.

Изд. № 408.

Подписано к печати 25/IV 1953 г.

Формат бум. 70×108¹/₁₆. 1 бум. л. — 2,74 печ. л.

А 02812

Типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

Заказ № 1367.

Тираж 350 000 экз.

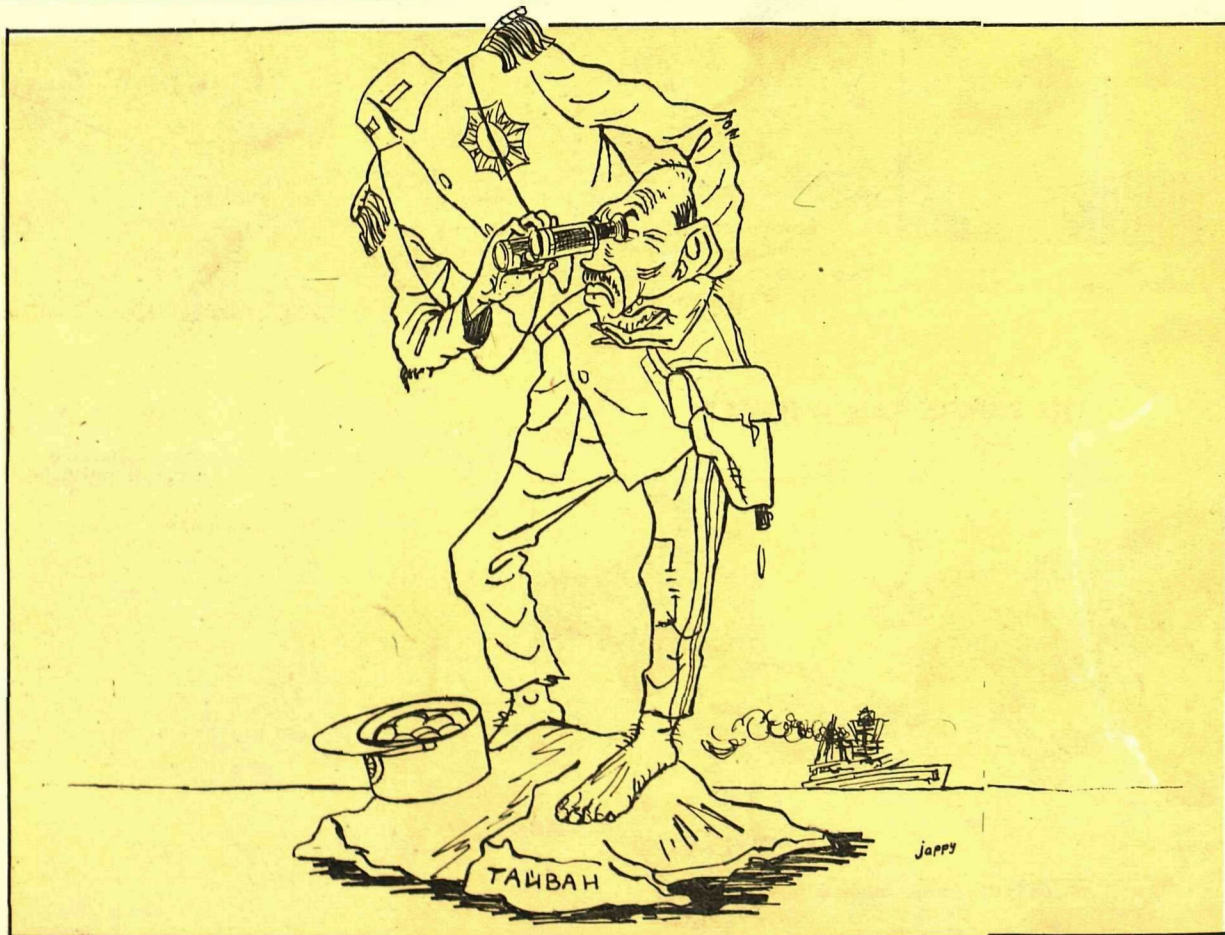
Сатира ЗА РУБЕЖОМ

Всесоюзная
Книжная Палата
Обязат. экзempl.
1953 г.

ЕДИНСТВЕННЫЙ КАПИТАЛ,
КОТОРОГО ОНИ БОЯТСЯ

«ФРИШЕР ВИНД»
(Германская Демократическая Республика).

ЧАН КАЙ-ШИ СМОТРИТ В БУДУЩЕЕ

«ДИКОБРАЗ» (Чехословакия).